

Посвящается Мэтью

*Спасибо тебе за столь необходимые уроки терпения
и за то, что ты научил меня находить радость
в нежных объятиях.*

Пролог

*Школа мисс Эмери для благородных девиц
Бат, Англия
Декабрь, 1816 год*

*Со склона горы донеслась команда полковника Дарби:
— Вперед! В атаку!*

И бригада во главе с лейтенантом Трокмортеном бросилась вперед на варварскую орду Магхала.

Мисс Дарби, сидя верхом на Чемпионе, наблюдала с безопасного места на холме за маневром войск в подзорную трубу. Рядом с ней находился ее верный пес волкодав Аякс. У нее перехватило дыхание, когда она увидела, как ее возлюбленный лейтенант Трокмортен врезался в самую гущу баталии и скрылся из виду, окутанный пылью и дымом.

Леди Лусинда Уидерспун сделала паузу и обвела взглядом зачарованных слушательниц. Юным леди, находящимся под опекой мисс Эмери, давно полагалось спать, однако они готовы были на все, только бы дослушать последнюю главу «Самого горестного часа мисс Дарби».

За последние два года они прочитали все четыре тома приключений мисс Дарби, прячась в комнате леди Лусинды у огрызка свечи, который проносили

тайком либо из музыкальной комнаты, либо из гостиной, улучив момент, когда не было учителей.

Мисс Эмери гордилась своей экономностью, поэтому свечи добыть было непросто. И если бережливость, по понятиям мисс Эмери, была добродетелью, то интерес к беллетристике в представлении уважаемой леди являлся смертным грехом для юных девиц. Директриса запретила чтение выпусков «Мисс Дарби», заявив: «Никак нельзя простить и оправдать радикальные представления мисс Дарби и ее более чем странные манеры».

Девушки школы мисс Эмери с этим не согласились.

— Какая досада, Лусинда! Продолжайте читать! — потребовала мисс Дженива Тейер. И хотя леди Лусинда была выше по положению, мисс Тейер числилась в наследницах, что имело гораздо большее значение для иерархии заведения мисс Эмери.

Кроме того, именно благодаря щедрым карманным деньгам Дженивы запрещенную книгу удалось протащить в спальню.

— Пожалуйста, продолжайте, леди Лусинда! — присоединилась к просьбе одна из самых юных девушек. Остальные ее поддержали.

Никто не умел читать с таким выражением, как Лусинда. К тому же необходимо было завершить чтение «Самого горестного часа мисс Дарби» именно в эту ночь, ибо на следующий день начинались рождественские каникулы и все разъезжались по домам, а самые старшие девушки, включая мисс Тейер и леди Лусинду, покидали школу навсегда.

Леди Лусинда поближе пододвинула к себе свечу.

— *Найди его, Аякс!* — крикнула мисс Дарби.

Бесстрашный волкодав бросился вперед, прокладывая путь мисс Дарби и Чемпиону. Несмотря на дым и ожесточенную схватку, мисс Дарби продвигалась вперед.

— *Лейтенант Трокмортен!* — позвала она. — *Лейтенант Трокмортен, вы слышите меня?*

Ответа не последовало.

Леди Лусинда снова сделала паузу, на сей раз для того, чтобы перевернуть страницу.

— О господи! — прошептала леди Пенелопа Биттлмэн. — Боюсь, случилось нечто ужасное. А предчувствия меня никогда не подводят. Мама говорит, что у меня интуиция.

— Фи! — возразила мисс Мэри Мейвери. — Лейтенант Трокмортен — отважный мужчина. С ним ничего не может случиться.

Однако слова утешения не остановили потока слез, текущих по щекам Пенелопы.

Леди Лусинда возобновила чтение.

Внезапно она увидела его, своего возлюбленного, лейтенанта Трокмортена...

— Говорила же я вам! — воскликнула мисс Мейвери.

Но к их ужасу, леди Лусинда, которая пробежала глазами несколько последующих строк, ахнула:

— О боже! Нет, нет! — и умолкла.

Девушки замерли. Наконец леди Лусинда продолжила:

Она с ужасом увидела разорванный кусок голубой шелковой материи.

— Это шарф, который мисс Дарби подарила лейтенанту Трокмортену в качестве символа неугасающего уважения друг к другу в «Опасном путешествии мисс Дарби», — прошептала одна из девушек.

Ее возлюбленный, ее нареченный лежал на земле, его алый мундир был разорван и испачкан кровью.

— Кровью? — переспросила леди Пенелопа, покачнулась и бессильно прислонилась к сидящей рядом девушке.

Мисс Дарби соскочила с лошади и опустилась перед ним на колени. Но, едва коснувшись его щеки, поняла, что судьба нанесла ей тяжелый удар.

— Нет! — воскликнула мисс Тейер.

Леди Лусинда кивнула.

— Я не могу продолжать, — сказала она дрожащим голосом. Слезы застилали ей глаза.

— Но вы должны! — умоляющим голосом проговорила одна из девушек. — Ради нас, ради мисс Дарби!

Откуда-то был извлечен носовой платок и передан леди Лусинде, которая приняла его с благодарностью. Вытерев слезы и собравшись с силами, она зачитала роковую строку:

«Ее возлюбленный лейтенант Трокмортен был мертв».

Красивый, блистательный лейтенант Трокмортен мертв? Но может ли быть мир таким жестоким?

— *Лейтенант Трокмортен, мой дорогой Джеффри!* — рыдала мисс Дарби, прижимая безжизненное тело к груди. — *Я навсегда сохраню память о тебе! Я никогда не выйду замуж! Никогда!*

Некоторое время никто не мог произнести ни слова, слышались только рыдания.

Леди Лусинда обвела взглядом подруг.

— Я никогда не выйду замуж.

Девушки подумали, что она просто повторила слова из книги, но затем увидели лихорадочный блеск в ее глазах.

Если их обожаемая мисс Дарби, чьи приключения скрашивали серые будни и привносили романтику и волнение в жизнь, преисполнена решимости не выходить замуж, то они последуют ее примеру.

Лусинда протянула руку, и все девушки по очереди положили сверху свою, произнося при этом, словно клятву:

— Я никогда не выйду замуж!

Глава 1

Я был очарован с того самого момента, как увидел ее. Словно искра упала с неба и воспламенила мое сердце. Боюсь, я не смогу жить без нее.

Лейтенант Трокмортен —
своему вестовому Томасу Риверсу в
«Дерзком выборе мисс Дарби»

Лондон

Сезон 1817 года должен был начаться, как и любой другой, и обещал быть щедрым на помолвки. Наполеон больше не представлял угрозы. Английские офицеры и джентльмены праздновали победу, а главное — возымели намерение вступать в брак.

Однако матери дочерей на выданье, вместо того чтобы радоваться, впали в отчаяние.

Дочери отказывались выходить замуж!

Когда и кому доводилось слышать о подобном? Не выходить замуж — только подумайте!

Разумеется, с этим не собирались мириться. В особенности Мальвина Уидерспун, графиня Тоттли, мать

леди Лусинды. Она потратила огромные деньги, отправив свою горячо любимую дочь в элитную школу мисс Эмери, — и вот результат: возвратившись домой, дочь заявила, что никогда не выйдет замуж.

Никогда. Ни за что.

— Это все штучки несносной Дарби, — заявила однажды утром Мальвина в кругу других отчаявшихся матерей. — Пора положить этому конец.

Все энергично закивали, ибо знали, что у графини имеются на то весьма веские причины.

Если слухи верны, а похоже, что это так, леди Лусинда отказала — *да, отказала!* — молодому красавцу лорду Баррику, наследнику герцога Хемсуэлла.

Нельзя терять ни минуты. Любая из дочерей может отказаться от столь же выгодной партии. Именно по этой причине все желающие добра своим дочерям матери Лондона решили выработать план борьбы. Автор хроник мисс Дарби, известный под именем М. Бриггс, вызывал у собравшихся в это утро в салоне леди Тоттли женщин большую ненависть и гнев, чем сам Бонапарт, находясь в зените славы.

Пережевывание сплетен и жалоб было прервано осторожным стуком в дверь. Она приоткрылась, и оказался нос Крамптона, грузного дворецкого леди Тоттли.

— Мэм, пришел джентльмен, заявляет, что его сюда пригласили.

В тоне дворецкого звучало пренебрежение, смешанное с недоверием, словно он не верил, что пришедший — джентльмен и тем более что он приглашен.

Однако челюсть Крамптона отвисла, когда ее светлость, энергично махнув рукой, приказала:

— Немедленно зови его, Крамптон!

— Но, миледи, — запротестовал дворецкий, — этот... такого человека не принимают. Мне говорили уважаемые люди, что его считают...

— Не будь глупцом, Крамптон! — перебила его графиня. — Мы живем в трудное время и не должны обращать внимания на светские условности, если хотим чего-то добиться.

Дамы стали усиленно обмахиваться веерами, буквально сгорая от любопытства. Кого же пригласила леди Тоттли, если Крамптон так удивлен и растерян?

Ждать им пришлось недолго, через несколько мгновений дверь снова отворилась, и появился высокий, широкоплечий мужчина. Размашистым шагом он прошел на середину комнаты, сопровождаемый приглушенными вздохами изумленных дам, и цепким взглядом черных глаз быстро окинул гостиную, словно почуяв опасность.

Дамы пристально разглядывали его. Однако их интерес вызвал отнюдь не его наряд, ибо на нем были всего лишь простые светло-коричневые бриджи, поношенные нечищенные сапоги и черная шерстяная куртка.

Интерес вызвал он сам.

Рафаэлю Данверсу было чуть больше тридцати, мужчина в расцвете сил, рост — больше шести футов. Чисто английское имя и гражданство он мог унаследовать от своего прославленного отца, барона Данверса, однако смуглая кожа и отнюдь не английская внешность свидетельствовали о тысячелетних испанских благородных корнях — пронзительный соколиный взор, мужской огонь, такой же яркий, как беспощадное иберийское солнце.

С момента его возвращения с Пиренейской войны не было ни одной замужней или овдовевшей женщины в Лондоне, которая не мечтала бы ощутить жар его необузданных объятий, стянуть немодную одежду с его мускулистого тела и по-настоящему узнать, каков он, этот недопущенный в салоны Рейф Данверс.

И к чести мистера Данверса, он готов был удовлетворить женское любопытство, и не только.

— Миледи, — сказал он, слегка кивнув графине.

Леди Тоттли могла бы обидеться, что он не поклонился должным образом, но она знала, как и большинство других, что многолетнее пребывание Рейфа на войне и его нетрадиционное воспитание отнюдь не улучшили его манеры. К тому же в данный момент она постаралась отбросить греховные мысли об охотничьем домике, сугробах высотой десять футов и Рейфе, одетом лишь в...

— Мэм? — спросил он, демонстрируя нетерпение.

Мальвина сделала глубокий вдох.

— Да, мистер Данверс, вы как раз вовремя, — сказала она, показывая жестом на единственное свободное кресло. — Пожалуйста, садитесь. Я нуждаюсь в вашей помощи в некоем весьма озорчателном деле.

— Мальвина, не хочешь ли ты сказать, что... — подала голос ее старинная подруга Харриет Биттлмэн, маркиза Фантли. Судя по встревоженному выражению ее лица, маркиза, очевидно, догадалась о планах графини. Более того, она успела оценить масштабы скандала, который может затронуть их всех, если кто-нибудь, в особенности их мужья, дознается об их планах. — Ты представляешь, что будет с нами, с нашими дочерьми, если кто-нибудь узнает, что мы... что мы...

— Да, представляю, — ответила Мальвина и бросила веер на элгантный столик рядом. — Но я не собираюсь сидеть сложа руки. Моя цель — выдать Лусинду замуж, а цель, как известно, оправдывает средства. — Она обвела выразительным взглядом остальных дам, и те с ужасом подумали о том, какое позорное будущее ждет их, если дочери останутся старыми девами.

— Гм... — вежливо кашлянул мистер Данверс, поднимаясь с кресла. — Вы говорите о замужестве? Но послушайте, я отнюдь не намерен продавать свою душу в качестве...

— Садитесь, сэ, — приказала Мальвина.

Ходили слухи, что Рейф Данверс воевал бок о бок с испанскими партизанами во время войны, принимал участие в самых опасных баталиях и не знал страха.

Однако он, по всей видимости, никогда не встретился в поединке с леди Тоттли.

— Это не мое дело... — попробовал он возразить.

— Я сказала, садитесь, сэ!

Даже подразделение французских стрелков не могло бы помешать графине осуществить то, что она задумала. Рейф плюхнулся в кресло, словно пытаясь уклониться от вражеского огня.

— А теперь, — заявила леди, — попрошу вас внимательно меня выслушать, прежде чем отказаться от нашего предложения.

Мистер Данверс скрестил руки на груди и сделал глубокий вдох, давая понять, что терпение его не безгранично.

— Вы слышали о наших бедах? — спросила графиня.

Он покачал головой.

— Относительно дебютанток сезона, — уточнила она.

— Вам должно быть известно, миледи, что я редко бываю в высшем обществе.

— Ах, сэ! — воскликнула леди Фантли. — Вы не слышали, что произошло на прошлой неделе в «Ол-максе»?

Мистер Данверс покачал головой.

— В самом деле не слышали? — переспросила она. — Просто не верится!

В разговор включились другие дамы, наперебой пытаясь объяснить Данверсу, что так сильно их взволновало.

— Бальный зал был пуст, вы представляете? Пуст!..

— Они отказываются надевать любые наряды, кроме траурных...

— И потом была дуэль...

Мистер Данверс схватился за последнюю фразу как за спасательный круг.

— О да! Дуэль между двумя глупенькими девчонками. Я действительно что-то слышал об этом вздоре.

— Вздоре? — переспросила Мальвина. — Это отнюдь не вздор! Они могли быть убиты. И неизвестно, будет ли эта несносная мисс Дарби носить траур вплоть до следующего сезона.

— Почему они не спросят об этом мисс Дарби? — осторожно поинтересовался мистер Данверс, ерзая в кресле.

— Мисс Дарби? — удивилась леди Фантли. — Вы шутите, сэр?

Он нахмурился:

— Нет, я вполне серьезно. Почему бы не попросить Дарби и не покончить с этим?

Леди Фантли в замешательстве умолкла.

— Эту леди нельзя спросить, потому что она не существует, — объяснила Мальвина, — она всего лишь вымысел, персонаж серии отвратительных романов. Именно потому, что она не существует, ее необходимо остановить. Вы должны понять, сэр, что необходимо пресечь ее влияние. Немедленно!

Рейф Данверс еще больше нахмурился, пытаясь понять, каким образом вымышленный персонаж мог до такой степени досадить этим дамам.

Он снова поднялся.

— Миледи, я понимаю, что сложившаяся ситуация весьма огорчительна для вас и ваших подруг, однако у меня есть более важные дела, чем гоняться за химерой.

Мальвина тоже поднялась.

— Эта химера, как вы изволили выразиться, способна взорвать основы английского общества.

— Леди Тоттли, — произнес мистер Данверс спокойно, — мне не кажется, что над обществом нависла опасность. Тем более здесь, в Мейфэре. Кроме того, я не могу взвалить на себя дополнительные обязательства.

— Да, да, несчастный случай с Кодлином, — сказала она, небрежно махнув рукой, словно разговор шел о том, какого цвета надеть перчатки, а не о самом страшном убийстве, случившемся в Лондоне за последние пятьдесят лет.

Остальные дамы приложили к глазам кружевные платочки.

— Я не могу считать несчастным случаем событие, когда человека выпотрошили, словно макрель. — Он сделал паузу и, не обращая внимания на послышавшиеся всхлипы, прищурившись, добавил: — Расследовать убийство сэра Родни для меня гораздо важнее, чем попусту терять время здесь. — Он собрался покинуть гостиную, но Мальвина преградила ему путь.

— Не понимаю, почему скандальной кончине нувориша придают такое значение, — сказала Мальвина. — Как же, сэр Родни! — Возвышение Кодлина в прошлом году вызвало возмущение. — В самом деле, мистер Данверс, человек мертв. И вы мало что можете сделать для него сейчас.

— Сомневаюсь, что он согласился бы с вашим мнением, миледи. — Мистер Данверс сухо улыбнулся. — Мой талант заключается в том, чтобы решать проблемы. Реальные проблемы. Проблемы живых людей. Или по крайней мере тех, кто когда-то был жив. А сейчас, если не возражаете, позвольте пожелать вам всего доброго.